

Несколько слов о «революции» в социологии

Скажу прямо: Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и так-сказать гражданскую роль и любил эту роль до страсти.

Ф.М.Достоевский

Долой Аристотеля!

В российском социологическом сообществе назревает новый раскол. В некоторой части означенного сообщества созрели революционные настроения, звучат призывы к отказу от старого социологического мира в пользу нового. Искрой, из которой разгорелось пламя восстания, стала неудачная защита Д.Куракина в Институте социологии и дискуссия в Интернете, развернувшаяся по этому поводу. Думается, однако, что провальная защита – это все же не причина, а только повод, выводящая позиционные противостояния внутри сообщества в фазу активных боевых действий. Революция, о необходимости которой после этого стали говорить некоторые из наших коллег, – это, что там не говори, вопрос о власти. Во всех революциях захват власти партией революционеров рассматривается как важный этап на пути реализации альтернативной программы развития, науки, общества или, в данном случае, сообщества. Научные революции не исключение: только человек, далекий от науки, может представлять себе научную революцию как куртуазный поединок остепененных господ в напудренных париках. В науке, как и обществе, революции нередко завершались победой парадигмы, не имеющей серьезной опоры в эксперименте. Успех по захвату господствующих высот обеспечивался внешними центрами власти – партийными и государственными органами, как в случае с Т.Д.Лысенко, или контролем над мощными научными институциями как в случае борьбы за влияние между так называемыми «дарвинистами» и «ламаркистами». Игры во власти или с властью в революции имеют известную динамику: конвент, диктатура, террор, гильотина, и, наконец, «в тот день явится мощный человек, ты его узнаешь и поймешь, зачем в его руке булатный нож». Следует, однако, заметить, что и мощный человек, и булатный нож, все это в российской социологии уже было. «Мощный человек» прошелся в свое время «булатным ножом» по Институту, чем нанес серьезный ущерб не только ему, но и всей российской (тогда советской) социальной науке. Сейчас времена иные, приход «мощного человека» в Институт вряд возможен, современные «якобинцы» – люди цивилизованные, и, как убедительно свидетельствует М.Соколов, в обеденное время предпочитают кинжалам

вилки и ложки. В этих обстоятельствах конфликт неизбежно переносится в сферу дискурсивную, революция дел становится революцией слов. Рассуждая о поколенческом конфликте 68 года, французский историк Мишель де Серто точно подметил: «В мае 1968-го революционеры овладели словом так же, как в 1789 – Бастилией».¹ В ситуации революции слова превращаются в дискурс о нормативных порядках, новые революционные смыслы должны опрокинуть старый нормативный строй, утвердив на его месте новый, прогрессивный.

Совершая свой выпад на рапире, социологи-революционеры выбрали мишенью концепцию полипарадигмальности Ритцера-Ядова, прилюдно объявив, что «новая социология как раз порывает с этой расслабленной полипарадигмальностью, не позволяющей ставить вопрос о науке»². Для того, чтобы понять, **что** именно так не нравится в этой концепции «революционным» социологам, кратко сформулируем ее суть: каждый социолог вправе выбирать из богатого наследия теоретической социологии ту парадигму, ту систему идей, которая обладает наибольшим эвристическим потенциалом. Подобная точка зрения освобождает социолога от необходимости декларировать себя стойким приверженцем той или иной доктрины, судить о социальных фактах, исходя из идеологических пресуппозиций. Возможны варианты, при которых разные концепции или, точнее, разные их элементы сходятся в одном концептуальном фрейме. Полипарадигмальность – это своего рода научный мультикультурализм, возможность для социологов с разными взглядами, разным мировоззрением успешно работать в рамках одного проекта или одного исследовательского учреждения. Полипарадигмальность – это фундамент для объединения социологов разных направлений, превращения социологов в эффективное сообщество. В чем же «революционеры» видят здесь «расслабленность»? Напротив, полипарадигмальность призывает добиваться в концептуальных моделях социальных явлений большей эффективности, большего соответствия теории и наблюдаемых фактов. Альтернативой полипарадигмальности может быть либо господство какого-то одного единственно верного учения, либо война всех против всех, противостояние доктринальных интерпретаций, снимающее саму возможность считать социологию наукой. Надо сказать, в той части своих выступлений, где предполагается выдвигать собственные позитивные представления о социологии, «революционеры» более, чем туманны и загадочны. Предлагается оставить всякую надежду на изучение действительности как действительности, а вместо этого взяться за «фреймы», грамматически организованные представления о социальных явлениях в том виде, в

¹ Антропология революции. М., НЛО, с.288

² <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Eto-ne-Borodino-professor.-Eto-nauchnaya-revolyuciya>

котором они живут в головах социологов. Но конструирование фреймов – это процесс, сводимый, по большому счету, к обстоятельствам индивидуальной биографии. От этой концепции всего лишь шаг до признания социального мира платоновской «майя», иллюзией, которую воспринимать всерьез могут лишь малые дети: несть ни общества, по крайней мере, в границах РФ, ни теории, ни всяких «карнальных» обременений, вроде институциональных и прочих кризисов, а что есть? Там «поезд на равнине стремится в точку «Б», которой нет в помине».

Сыграть на флейте

Важно не только то, какие идеи подвергаются критике, но и то, как это делают «революционеры» - стилистически, интонационно. Отвечая на сдержанную критику А.Ю.Чепуренко руководитель ЦФС ГУ ВШЭ А.Ф.Филиппов посетовал на «нюансирование», неточную, а возможно и обидную «интонационность» высказанных замечаний. Эти суждения тем более странны, что сами «революционеры» в своих выступлениях ни корректностью, ни сдержанностью не отличаются. Например, комментируя защиту Куракина, В.С.Вахштайн, нисколько не смущаясь, называет Ученый совет Института социологии «басманным», отождествляя его, видимо, с правосудием, заведомо несправедливым и предвзятым³. В подлинно «революционном» духе Совет был заклеймен в целом, без различия персоналий в Совет входящих, без учета того простого факта, что все-таки, несмотря на неблагоприятный исход защиты, одиннадцать членов Совета подали голоса в пользу диссертанта. Несмотря даже на то, что в Совет входят коллеги В.С.Вахштайна по ГУ-ВШЭ, люди, безусловно достойные, лидирующие в российской общественной науке. Логика революции такова, что обличается целый класс людей, без различий званий, заслуг, вклада в науку: цель оправдывает средства, метафора не терпит полутонов, «пылают гневные знамена братоубийственной войны».

Следуя методологическим принципам, за которые ратует В.С.Вахштайн, приглядимся поближе к присутствующим в их текстах фреймам. Стенобитным орудием, призванным разрушить ненавистную «Бастилию», «революционеры» сделали метафору. Но метафора, как любой троп, есть орудие «говорящее», рассказывающее не только о том, каких целей хотел бы добиться «революционер», но и о том, каков его взгляд на мир, каковы его неявные «ценностные порядки». Клеймя Институт социологии, В.С.Вахштайн называет его «колхозом, поделенным на отдельные фермерские хозяйства». Не вполне ясно, что рассматривается как возможная успешная антитеза «распавшегося колхоза», то

³ <http://www.polit.ru/science/2010/02/09/sovet.html>

ли колхоз успешный, советский, то ли город. И первая, и вторая бинарная аппозиция явным образом отсылают нас к «пыльному сундуку» идей воинствующего большевизма. Успешные колхозы и подразверстки и продналоги в пользу городского «модерна» - это проекты, приведшие к неисчислимым и, во многих случаях бессмысленным жертвам. В этой идейной парадигме «колхоз» противостоит городу как хранитель традиций старого порядка, город же мыслится как сила, разрушающая преемственность. Вряд ли подразумеваемый подобными антитезами вариант разрушения старого мира покажется привлекательным социологическому сообществу: российская социология имеет собственную «славную» историческую линию, ею накоплен немалый багаж знаний о российском обществе, жертвовать которым она и не вправе и не должна. Крайне сомнительным «стилистически» и «интонационно» выглядит продолжение метафорического ряда в обличительном тексте В.С.Вахштайна. Старейший российский социологический журнал назван «красным уголком», а «Социологический журнал» - «единственным трактором», которому видно уже не по силам спасти ситуацию. Важный вопрос, который невольно возникает у любого, кто принимает эти метафорические секвенции, каким названием наградит В.С.Вахштайн тот Центр Института социологии, в котором сам работает? Как «фермерское хозяйство»? Или «заброшенное пастбище»?

We don't need no education

Собственная интерпретация разразившегося скандала есть у М.Соколова, представившего происходящее не больше, ни меньше как цивилизационный конфликт⁴. В его длинном эссе страсть к философским обобщениям берет верх над любыми резонами: ученые советы (какие?) только тем и занимаются, что распределяют деньги, власть и статусы, кругом коррупция и загнивание, председатель совета (напомним, что это профессор Ядов), даже «не сделал вид, что оправдывается, а стал настаивать на соблюдении правил игры». При этом уважаемый профессор, конспирологически заключает, М.Соколов, отстаивает не те правила, которые «вывешены в ВАК», а видимо какие-то другие правила, а возможно даже и не правила, а «понятия», по которым, якобы, живут сегодня академические ученые. Не хотелось бы отвечать на облыжные, некорректные обвинения (они, по сути, немного стоят), обсуждать абсурдные требования к руководителю совета «бить челом» и каяться потому, что совет принял именно такое решение, а никакое другое. Ограничусь коротким замечанием, вытекающим из

⁴ <http://www.polit.ru/author/2010/02/24/kurakin.html>

собственных наблюдений: нет сегодня более бескорыстной, незаинтересованной инстанции в науке, чем академический диссертационный Ученый совет. Члены Ученого совета не обладают ничем из прописной веберовской формулы – ни властью, ни престижем, ни доходом. Время, потраченное ими на рассмотрение диссертационных работ, – это в чистом виде вклад в воспроизводство профессионального сообщества. Существуют, разумеется, в общей массе ученых советов и такие, где в ученые посвящают за деньги, а диссертации защищаются по подсказке свыше. Если бы это было не так, то, наверное, среди российских бюрократов было бы меньше людей с научными степенями, но упомянутые «язвы» менее всего характерны для известных мне советов Академии наук. Включившийся в кампанию диффамации, эссеист должен понимать, что ведет огонь не по тем штабам, «где распустились ревизионистские цветочки», а по институциям воспроизводства, где пока еще, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, работают те самые нормы селекции, о которых он якобы печется.

Чем дальше, тем больше. Разобравшись с Учеными советами, М.Соколов берется за социологию в целом. «Социологи, утверждает он, не совершают открытий, выходящих за пределы того, о чем может догадаться думающий обыватель, лучшие памятники социологического воображения не поднимаются над уровнем беллетристики, подавляющее большинство не поднимается над уровнем бесплатных газет.»⁵ Следует признать, что эта точка зрения не нова, такие рассуждения были обычными для мордатых партийных руководителей и кооператоров конца 80-х, быстро поднявшихся на продаже джинсовой «варенки»: «Нужна мне ваша наука. Я и так знаю, что мое население/мои потребители думают». С тех пор наше общество повзрослело, руководители обнаружили интерес к научным выкладкам, да и люди бизнеса, испытавшие все радости фальсификации интуитивных прозрений, перестали считать свой интеллект мерой всех вещей. Но, как видно, опыт прозревших мало чем ценен для тех, кто берется легко и высокоумно судить о целой науке. Рассуждения на тему о том, что все «банально» и «все известно» остроумно высмеял П.Лазарсфельд в статье «Что нам очевидно?» «Образованные люди более склонны к психоневрозам, чем люди с более низким уровнем образования. Призывники из сельской местности лучше переносят военную службу, чем горожане. Белокожие солдаты чаще стремятся стать офицерами, чем негры. В ходе боевых действий у солдат больше желания вернуться домой, чем после их окончания. ... Это список из простейших зависимостей лежит в основании нашей эмпирической социальной науки. Зачем, если все так очевидно, тратить столько денег или энергии на проведение

^{5 5} <http://www.polit.ru/author/2010/02/24/kurakin.html>

исследований? Не умнее ли будет принять их за данность и перейти к более сложным типам анализа. Может быть и так, но нам мешает одно интересное обстоятельство. Каждое из утверждений прямо противоположно тому, что происходит на самом деле. Бедняки, как оказалось, чаще страдают неврозами. Негры служат лучше, чем белые. И так далее. Очевидно, что-то не так с самим аргументом очевидности»⁶. Он же, Лазарсфельд, объяснил, почему обыватели порой с такой легкостью поддаются соблазну видеть в окружающем мире очевидность – *hindsight bias*. Для необремененного специальными познаниями наблюдателя, располагающегося в настоящем, любое событие, случившееся, в прошлом приобретает ауру очевидности: а как же иначе, ведь иного и быть не могло. Но то, что простительно обывателю, зазорно произносить, а тем более писать преподавателю с ученой степенью.

Отчего вдруг стали возможными подобные, мягко говоря, несурзные рассуждения? Почему стало возможным использовать в полемике, спорах вокруг науки лексику, более подходящую для скандального телевидения? Видимо потому, что часть российских социологов решила для себя, что «бог науки» умер и все позволено. Позволено топить научные смыслы в пустейших, без начала и конца словопотоках, позволено отменять общество, теорию, да и самих социологов как целый научный класс, позволено дерзить старейшинам цеха, не в пример более заслужанным и признанным в мировом сообществе, чем любой из «революционеров». Майкл Буравой, вице-президент МСА организовавший «крестовый поход» в защиту публичной социологии, возлагал на российских социологов особые надежды: они, полагал Буравой, находятся на переднем фронте противостояния дикой маркетинга, опустошающей природу, общество, науку. В России, стране провальных реформ, долг социологов состоит в том, чтобы фокусировать внимание общества на острых общественных проблемах, создавать площадки для просвещенного диалога о вариантах выхода из тяжелейшего социального кризиса. Вместо этого революционеры предлагают нам превратить социологию в магазин, в котором ловкие сейлз-менеджеры будут продавать дорогие социологические цапки отпрыскам из почтенных фамилий.

⁶ Lazarsfeld P. What is obvious/Pleasures of sociology. Ed. By L.Coser. N.Y.New American Library. P.6-7